

ИСТОРИЯ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ НАУК

УДК 51

Мехмат конца шестидесятых глазами выпускников

Е. Е. Гонина

Пермский государственный политехнический университет, 614600, Пермь, Комсомольский пр., 29А

Мы поступили на мехмат ПГУ в 1966 г., когда отмечалось пятидесятилетие университета. Со сцены юбилейного концерта тогда прозвучала шутка: "К столетнему юбилею университет снова покрасят". Казалось, что это будет так нескоро, но прошло уже более сорока лет, изменились и университет, и мехмат. Большинство наших преподавателей уже не работают, сегодняшние студенты о некоторых и не знают. Это эссе – воспоминание о нашей учебе и преподавателях, взгляд со студенческой скамьи, да еще через сорок лет. Поразному сложились судьбы наших однокурсников. Имена некоторых из них стали широко известны: проректор ПГУ В.М.Суслонов, директор лицея № 1 Л.И.Лурье.

Поступление на мехмат оказалось сложным. В 1966 г. был двойной выпуск школьников, одновременно заканчивали среднее образование ученики и десятых, и одиннадцатых классов (результат хрущевских экспериментов с введением в школу профессионального образования). Конкурс был 6–7 человек на место. В результате набор оказался очень сильным: основу составляли выпускники математических школ №17 и № 7, где нас учили высшей математике, основам программирования, давали усиленный курс физики, а главное, приучили работать. Ради справедливости надо отметить, что многие наши одно-

курсники, закончившие школы Перми и области, также были хорошо подготовлены, что и доказали прекрасной учебой и дипломами с отличием.

Нас разделили по группам: "Математика для народного хозяйства", "Математика для народного просвещения", "Вычислительная математика", "Механика". В каждой группе по 25 человек. Мехмат тогда был расположен в том же корпусе, что и сейчас (№ 2, тогда он назывался главным), но в левом крыле. Деканат помещался на верхнем, пятом, этаже. Деканом был Иван Васильевич Мисюркеев. Там же, на пятом этаже, находилось большинство учебных аудиторий. Лекции для всего потока читались в Ленинском и Горьковском залах (больших аудиториях на верхнем этаже, куда надо подниматься по центральной лестнице). На первом же собрании нас поздравили с поступлением декан, заведующие кафедрами, из которых наибольшее впечатление на всех нас произвел Петр Иванович Трофимов, заведующий кафедрой высшей алгебры и геометрии. Он начал объяснять нам, какие мы ленивые, безответственные и как не хотим учиться. Для нас такие речи были в новинку. Тогда я и не предполагала, что именно Петр Иванович во многом определит мою судьбу.

Потекли дни учебы. Лекции по математическому анализу нам читала Нина Валерьяновна Шаркова (впоследствии Воронина),

объясняла она понятно, записывать за ней мы успевали. Хотя как-то на слух вместо слов "определение предела последовательности по Гейне" я написала нечто другое, но потом разобралась. В общем, лекции были строгие и добротные. Экзамены Нина Валерьяновна принимала вполне доброжелательно. Была она женщиной в расцвете жизненных сил, даже мы, первокурсники, знали шутку, пущенную кем-то из факультетских остряков, что у нее "фигура как гитара". Практику по математическому анализу вела молодая миниатюрная дама Ирина Николаевна Пепеляева. Мне приходилось встречаться с ней и после окончания университета, она как-то призналась, что мы были ее первой группой, в которой она вела занятия, причем очень сильной. Ирина Николаевна много готовилась, чтобы подобрать для нас задачи соответствующего уровня сложности. Мы ее усилий (как у хорошего актера) не замечали, считали такой высокий уровень естественным. Занятия проходили эффективно, в рабочей доброжелательной атмосфере, успевали и у доски задачи порешать, и самостоятельно поработать. Ирина Николаевна находила время побеседовать с каждым, при этом была очень деликатна. Особенно тщательно проверялись домашние задания. В начале моей деятельности в качестве преподавателя, ведущего практику, мне хотелось быть похожей на Ирину Николаевну.

Лекции по аналитической геометрии читал Георгий Семенович Шевцов, участник войны, которому, конечно, мешало ранение руки, но он этого не показывал. Объяснял материал он хорошо и подробно, манера чтения лекций была мягкая, но за этим чувствовалась и определенная жесткость. Однажды он прервал объяснение и выгнал с лекции двух забывшихся подружек, которые мешали ему своей болтовней. На экзамене Георгий Семенович был вполне доброжелателен. Позднее я посещала спецкурс по теории групп, который несколько семестров читал Георгий Семенович. Практические занятия по аналитической геометрии вел в нашей группе Леонид Фролович Косвинцев, молодой преподаватель кафедры алгебры и геометрии. С ним мы решали много задач по задачку Цубербиллер, почти все задачи выносились на доску, нас вызывали по очереди. Почему-то он казался нам, молоденьким девчонкам, немного странным, забавным. Он иногда неожиданно замолкал или по нескольку раз повторял одну и ту же фразу. По-

этому, когда он пригласил нас посещать его кружок по алгебре, мы не пошли.

Кружок по теории групп мы стали посещать позднее. Руководил им наш любимый преподаватель Яков Давидович Половицкий, который читал нам лекции и вел практические занятия по высшей алгебре. Молодой еще человек, он уже тогда был прекрасным методистом. Лекции Якова Давидовича были настолько логичными, четкими и последовательными, что некоторые наши однокурсницы, пусть и не выбравшие алгебру своим направлением, хранили конспекты его лекций до конца учебы. На практических занятиях Яков Давидович учил рассуждать, оформлять свои мысли, даже как располагать решение задачи на доске. Он часто устраивал нам письменные работы с теоретическими и практическими заданиями, очень тщательно их проверял, исправляя даже стилистические ошибки – излагать мысли, особенно в математике, надо четко.

Надо отметить, что и тогда уже на мехмате были попытки ввести автоматизированную проверку знаний. Энтузиастом этого дела был Иван Власович Цыганков. По его инициативе в одной из аудиторий около деканата были установлены проверяющие приборы, внешне несколько напоминающие мониторы компьютера, но более примитивные. В прибор вставлялась пленка с вопросами и вариантами ответов. На экране высвечивался вопрос и 4–5 ответов к нему. Надо было выбирать номер правильного ответа. После ответов на определенное (10–15) количество вопросов по теме прибор выставлял оценку, которую фиксировал сидящий в аудитории лаборант. На первом курсе мы должны были сдать на этих приборчиках несколько контрольных по высшей алгебре и аналитической геометрии. Устройства эти легко было обмануть. Во-первых, на экране можно было увидеть край черного прямоугольника на месте правильного ответа. Во-вторых, в случае каких-либо сомнений вопрос можно было просто сбросить безо всяких последствий. Но однажды я попала. Видимо прибор хорошо отрегулировали, черных меток не было видно, да и сброс фиксировался как неправильный ответ. После нескольких неудачных сбросов я стала отвечать честно. Материал я знала, но из-за скомканного начала получила только "три", чему удивился Я.Д.Половицкий, поскольку таких оценок у меня не было ни до, ни после

этого случая. Следует отметить необычайное чувство юмора Якова Давидовича, его умение к месту пошутить, чаще мягко, но иногда и с подковыркой. Например, читая лекцию нашему потоку утром 31 декабря, он говорил: вместо "А со звездочкой" – "А со снежинкой". Шуткой он мог поставить студента на место. Именно у Я.Д.Половицкого я писала и курсовую, и дипломную работы.

Петр Иванович Трофимов читал нам лекции по математической логике. Как говорил он, это было введение во введение в математическую логику. Придерживался он книги "Введение в конечную математику" Кемени, Снелла и Томпсона. Выступал он в своей неподражаемой манере. Его математические рассуждения перемежались с ворчанием: какая плохая пошла молодежь и как студенты не хотят учиться. На лекциях в основном мы составляли таблицы истинности, не дошли даже до предикатов и кванторов. Зачет сдавали в помещении кафедры, все сдали достаточно легко. После окончания университета я поступила к Петру Ивановичу в аспирантуру.

Конечно, кроме математических, у нас были еще предметы, например общественные науки, иностранные языки, физкультура. Однако прежде всего хочется рассказать о коллегам-математиках. Отмечу только, что на первом курсе наибольшую сложность представляли не математические дисциплины – к ним мы были хорошо подготовлены. Долгие часы отнимало конспектирование первоисточников классиков марксизма-ленинизма, прежде всего В.И.Ленина. Конспекты постоянно проверялись, проскочить "на халяву" было нельзя. Быстренько выполнив домашнее задание по математике, мы допоздна сидели в университетской библиотеке, конспектируя, конспектируя ...Самое неприятное, что и тогда мы понимали бесплезность этих действий. Ради справедливости, скажу, что занятия велись интересно.

Пролетел первый семестр, благополучно сдана сессия. Далее я не буду придерживаться хронологического порядка, опишу преподавателей и события, которые особенно запомнились.

Римма Александровна Мартыанова (впоследствии Рекка) читала у нас курс дифференциальных уравнений. Предмет вела хорошо, понятно объясняла, любила иногда "лирические отступления" воспитательного характера, которые звучали вполне миролю-

биво и воспринимались нами даже с удовольствием. Запомнилась нам Римма Александровна и своим внешним обликом: всегда элегантная, с хорошей прической, красиво одетая. Нам очень нравились ее вязаные платья, но когда она пришла на лекцию в новом синем костюме с красной подкладкой... До сих пор некоторые мои однокурсницы вспоминают: "Вот это да! Синий верх, красный низ!". Радует, что долгие годы Римма Александровна остается такой же подтянутой, энергичной, элегантно одетой, сохраняя пристрастие к той же цветовой гамме. Говорят, одно время она была заместителем декана, студентам от этого было хорошо. С экзаменом по дифференциальным уравнениям в нашей группе проблем не было.

Иван Власович Цыганков читал у нас курс дифференциальной геометрии. Он был постарше других преподавателей, обладал и лекторским мастерством, и терпением, снисходительно относился к студентам. До нас он был деканом, был очень уважаем.

Говорят, что в молодости он был действительно несколько похож на цыгана, обладал черной кудрявой копной волос. Многим запомнилось, что на экзамене он спрашивал обстоятельно, подолгу, а сам при этом сосал леденцы или щелкал орешки и курил, стряхивая пепел в свернутый кулечек.

Очень эмоционально читал нам курс линейного программирования Владимир Георгиевич Кузнецов. Мне вообще больше нравится не сухое академическое изложение предмета, а такое, когда преподаватель показывает свое отношение к материалу, не важно, метод это или формула. Так вот, в предмет, излагаемый Владимиром Георгиевичем, мы с удовольствием погрузились, лихо применяли симплекс-метод и решали транспортную задачу. Он был также куратором нашей группы, проводил собрания и мероприятия. На одном таком «классном часе» я рассказывала группе про импрессионистов, а Владимир Георгиевич прокомментировал мое выступление так: "Начали эти художники: тень, полутень..., а потом и навели тень на плетень". Очень жаль, что такой интересный и яркий человек вскоре погиб при непонятных обстоятельствах.

Следующим куратором нашей группы был Павел Николаевич Сапожников, молодой красивый мужчина, в которого влюблялись наши девочки. Некоторые до сих пор вспоминают его красивые глаза. Он читал нам курсы

теории вероятностей и математической статистики, затем спецкурс по теории массового обслуживания. Был он талантливым ученым, скромным человеком, но при всех его достоинствах... неумелым преподавателем. Лекции он читал на таком высоком теоретическом уровне и так недоступно, что его мало кто понимал. На практике он не мог объяснить, как решать задачи. Мы или доходили своим умом или он сам решал трудные задачи у доски, причем иногда путаясь. В общем, весь поток решил попросить, чтобы нам поменяли преподавателя. Куда идет студент жаловаться – ну, конечно, в деканат. Делегация от всего потока описала ситуацию в деканате, вскоре последовал ответ: на лекцию к нам пришел заведующий кафедрой Борис Николаевич Бабкин. Он попенял нам за то, что мы пошли жаловаться в деканат, а не на кафедру (вот не сообразили). Сделал нам комплимент, что поток сильный, потому и читают нам курс на таком высоком уровне. Потом он поинтересовался, кто понимает эти лекции, попросил таковых поднять руки. Руки подняли два человека (помню их поименно). После этого ничего не изменилось, только нам откопировали лекции Павла Николаевича, написанные красивым почерком нашей однокурсницы, которая их понимала. Экзамен сдали на удивление легко, Павел Николаевич нам все сильно упростил. Одна из наших однокурсниц ухитрилась сдать его с высокой температурой, правда, круглая отличница, на этот раз только на "хорошо". Я уважаю Павла Николаевича Сапожникова, он хороший талантливый человек, но из песни слова не выкинешь. Стал ли он лучше преподавать – об этом судить другим поколениям студентов. Запомнился следующий опыт, произведенный Павлом Николаевичем на лекции: при изучении равномерного распределения он интересно показал, что среднее арифметическое дает точное значение измеряемого параметра. Сначала на глаз определяли длину ручки, усреднили, измеряли – сошлось. Потом Павел Николаевич провел "опыт над собой": нужно было определить его возраст на глаз, он попросил отнестись к этому серьезно, не шутить. После усреднения результатов угадывания получилось 28. "Нет, – гордо сказал Павел Николаевич, – мне уже 28 с половиной". Опыт с ручкой я показываю своим студентам, но "эксперимент на себе" поставить ни разу не решилась. В результате, когда нам понадобилась теория вероятностей,

мы изучали ее самостоятельно по учебникам и "решебникам". Да, именно Павел Николаевич растолковал нам, что означает загадочное название нашей специальности "Математика для народного хозяйства", до него никто не мог нам этого внятно объяснить. Оказывается, мы должны были стать математиками с отличным знанием теории вероятностей и смежных дисциплин – и тогда смогли бы работать в любых областях народного хозяйства. Но получилось по-другому.

Постараюсь подробнее написать о Ревекке Борисовне Зархиной, грозе студентов. Прежде всего потому, что мне сообщили, будто бы о ней не осталось письменных заметок, а она была видным человеком на факультете. Пусть те, кто ее помнит, добавят к ее портрету свои воспоминания. Ревекка Борисовна читала у нас курс теории функций действительного переменного. Была она женщиной строгой, даже суровой, педантичной. О ней на факультете ходили разные слухи, которые шли от студентов старше нас: она проводит бесконечные коллоквиумы, которые все проваливают и долго пересдают. Она на экзамене может попросить доказать следствие 4 из теоремы 8, а о чем это – догадайся сам. Она не простит, если вместо буквы "М готическое", использованной ею на лекции, написать "N готическое", даже если обозначения не являются стандартными. Внешне это была уже немолодая статная женщина. Одевалась она, на наш взгляд, старомодно, впрочем, вполне прилично. Правда, добротная кожаная сумка ее нам казалась потертой, а конспект лекций – пожелтевшим. Лекции она читала безукоризненно: четко, последовательно, логично. Педантизм, конечно, присутствовал, но никто не жаловался, что ему попало следствие 3 из теоремы 11, все было в пределах разумного. Коллоквиум был только один, задачи, холодно предложенные на нем. Я решила все, а в письменном доказательстве одной из теорем забыла один из этапов. Замаскировать это не удалось. Ревекка Борисовна заметила этот пробел и предложила это доказательство сдать устно, что я благополучно и проделала. По договоренности материал коллоквиума не выносился на экзамен, но на экзамене в качестве дополнительного вопроса мне опять было дано доказательство той же теоремы. Как на грех, я ее не повторяла, хорошо помнила лишь тот кусок, который первоначально не написала. Мой писк о том, сто я это уже сда-

ла, был подавлен возражением, что в письменной работе я с этим не справилась. Ответила я неудачно, оценка была снижена на балл. Но я заскочила вперед. После коллоквиума произошло трагическое событие, сломившее Ревекку Борисовну. В Москве под колесами машины погибла ее единственная сестра. Вернувшись с похорон Зархина уже не проводила у нас больше коллоквиумов, не пересчитывала студентов на лекциях, вообще смягчилась. Нам она заявила: "Вам повезло, – Зархина уже не та". Итак, мои воспоминания – о нетипичной, изменившейся Зархиной. Возможно, предыдущие и следующие поколения студентов опишут ее во всей силе. Экзамен она принимала долго, каждого студента держала по несколько часов, закончила уже поздно вечером. В январе в аудитории первого этажа было очень холодно, Ревекка Борисовна сидела в валенках и толстой шали. Из впечатлений на этом экзамене запомнилось бледное встревоженное лицо нашей вечно жизнерадостной однокурсницы Алисы, пришедшей с персональным букетом для Зархиной. Бабушка Алисы переживала, оказывается, еще больше внучки. Вечером она стала обзванивать всех родителей, телефоны которых нашла. В трубку она истерично кричала: "Что вы сидите?! наших детей режут, режут, а вы ничего не делаете!" Никого не прирезали, все вернулись домой, хоть и поздно, Алиса тоже сдала, хотя и сидела очень долго. Потом мы узнали, что одна из наших однокурсниц сумела даже обмануть Зархину, клятвенно обещав ей прийти после экзамена и сдать какой-то кусок материала, если Ревака Борисовна поставит ей положительную оценку. И железная Зархина почему-то поверила, впрямь она была уже не та! В следующем семестре встретив хитрую студентку, Зархина поинтересовалась: "И когда же вы ко мне придете?" – "Зачем, я экзамен уже сдала, оценка стоит", – ответила студентка и крыть было нечем. Ревака Борисовна закончила Московский университет, часто говорила о своих друзьях, которые там остались и, в случае чего, ее в обиду не дадут. По слухам, в молодости она была невестой поэта-фронтовика Павла Когана (того самого, который "с детства не любил овал"). Говорят, что среди его стихотворений есть посвященное Ревекке Зархин (сестра ее тоже носила фамилию Зархин). По воспоминаниям студентов, она однажды высказала на лекции сожаление, что очень давно

не была весной в Крыму, а ей так хотелось еще посмотреть на цветущий миндаль в Ялте. Ревекка Борисовна была одинока, после выхода на пенсию много гуляла, радовалась знакомым лицам, подолгу беседовала с каждым. Она гордилась успехами своего племянника, Юрия Зархина, ставшего известным алгебраистом.

Блестящим лектором был Герман Александрович Жданов. Он читал у нас большой курс функционального анализа и спецкурсы. Мы восхищались его мастерством, умением понятно и легко объяснить сложное. Однако чувствовалось, что это уже "остатки прежней роскоши". Герман Александрович был нездоров, очень худощав, иногда прерывал лекции, ссылаясь на плохое самочувствие. Экзамен он принимал строго, но предмет был сложным, студенты часто списывали. Герман Александрович с этим, как казалось, не боролся, видимо, считал ниже своего достоинства уличать старшекурсников в нечестности. Зато и спрашивал он не только по билету, но по всему материалу. Незабываем такой эпизод. Герман Александрович разрешал сдавать экзамены после лекции, а готовиться на лекции (сдавать досрочно, пересдавать, причем разделами). И вдруг в пятиминутный перерыв на лекции мы услышали какой-то странный звук, будто стук от падения. Это упала в обморок у окна наша однокурсница. Когда мы привели ее в чувство, она рассказала, что по примеру многих попыталась сдать кусок материала досрочно на лекции. Получив билет, она в первый раз в жизни решила списать. Достала конспект, открыла – и вдруг к ней неслышно подошел Жданов и сказал: "Это что вы делаете!?" Его слов оказалось достаточно, чтобы девушка почувствовала себя плохо, в перерыв подошла к окну подышать – и упала. Конечно, Герман Александрович не хотел ее напугать, это произошло от неожиданности и стыда. Герман Александрович был хорошим, светлым, талантливый человеком и, к счастью, жизнь его оказалась долгой.

Любовь Леонидовна Савченко читала нам численные методы. Молодая, стройная, интересная блондинка, она казалась строгой, такой и была. Читала она в безукоризненной академической манере, очень четко, без каких-либо погрешностей. В основном, внимание уделялось доказательствам сходимости методов. А вот на практике надо было эти методы применять. Теперь это кажется, навер-

ное, невероятным, но вся вычислительная техника, которую выдавали нам на мехмате, – это арифмометры "Феликс". Приборчик был нехитрым, надежным, выполняющим все арифметические действия, но металлическим, очень стучащим и дребежащим. Когда вся группа сидела в одной аудитории и крутила ручки "железных Феликсов", звук получался почти невыносимым. Но все успешно вычисляли, все сдавали. Экзамен Любовь Леонидовна принимала также строго, задавала всем дополнительные вопросы, но все оценки были строго обоснованными. Помнится, Ю.Ф.Фоминых рассказал такую байку: нерадивый студент, видимо, ни разу не посетивший лекции Савченко, хотел узнать имя и отчество преподавателя. "Да как его зовут, этого Савченко? Что значат инициалы Л.Л.?" Ему ответили: "Любовь Леонидовна".

Раз уж я упомянула о Юрии Федоровиче Фоминых, сразу же уделю долю внимания его памяти. В первый раз мы увидели его на письменном вступительном экзамене: веселый чернородый молодой человек, мало обращавший внимание на шум в аудитории во время конкурсного экзамена. Позже он читал нам курс программирования, делая это жизнерадостно, даже весело. Программировали мы тогда в кодах: надо было указать номер ячейки, код операции и номер другой ячейки, куда направляется результат операции. Считали мы на ЭВМ "Арагац". К ней нас, конечно, не подпускали, мы сдавали листочки с программами, чтобы их набили на киноленте, их складывали в круглые металлические коробки. На первом этаже под лестницей стояли полки, на которые мы эти коробки складывали. Если на ленте не хватало дырочек, отдавали их на перебивку, а лишние дырочки заклеивали кусочками киноленты. В школе мы работали на более совершенной технике, сами набивали бумажные перфоленты (на базе машины "Минск" ППИ). Переход на перфокарты через некоторое время казался еще большим прогрессом. Тем более, к этому времени Юрий Федорович научил нас программировать на языке "Алгол", что казалось большим облегчением по сравнению с программированием в кодах: вместо того чтобы расписывать каждое действие, надо было просто написать, что же необходимо посчитать. Юрий Федорович бы человеком талантливым, прекрасно рисовал, его карикатуры помещались в стенной печати, в университетской газете. Он

классно играл в шашки, много лет вел в газете "Вечерняя Пермь" раздел "Летающая дамка". Когда на пятом курсе мы приехали с практики в Киеве, он заметил некоторые модные изменения в моем облике и рассказал, что когда они в своё время вернулись с практики из Моевсквы, все отметили их узкие брюки (это была, кстати, одна из примет "стиля").

На 3–4-м годах обучения различные спецкурсы нам читали многие преподаватели, среди них выделю Соломона Яковлевича Гусмана и Юрия Владимировича Девингтала. С.Я. Гусман совершенно очаровательно вел у нас курс основ кибернетики – всегда радостно, с улыбкой и удовольствием. Казалось, он просто рассказывает забавные истории. Был он немного чудаковат, очень деликатен, крайне доброжелателен. Мы знали его также как поэта, который писал стихи, такие же радостные и забавные. С чтением этих стихов он выступал и с университетской сцены, имел большой успех. Удовольствием, по крайней мере, для меня было даже сдавать ему экзамен: он умел приятно похвалить, оценивая ответ. Юрий Владимирович Девингталь был обаятелен, улыбчив. На первом же занятии он порекомендовал нам книжку, раздал темы докладов по ней. На всех следующих занятиях мы слушали доклады с его комментариями. Самое сложное было достать книжку, а доклады делать мы были уже научены. Правда, одну студентку он даже поругал как несправившуюся, хотя мы и не поняли, за что, – нам было из ее доклада понятно все.

Согласно названию факультета мы были не просто математики, но еще и механики. Теоретическая механика читалась у нас солидно, несколько семестров. Лекторами были И.Г.Севрук, а затем Н.Ф.Лебедев. Особенно поражало лекторское мастерство Николая Фроловича Лебедева: в нем было все, что мне нравится: личное отношение к предмету, умение заинтересовать слушателей, понятность и четкость изложения. Экзамен сдавать ему было трудно. Мне, правда, попали вопросы, которые я хорошо знала, но я боялась дополнительных задач. Николай Фролович давал не абстрактные упражнения, а задания, требовавшие применения методов к простым механизмам: винт, клин и др. К моему счастью, по вопросу, который мне попал "Солнечные и лунные затмения, приливы и отливы" я незадолго перед этим прочитала научно-популярную статью в журнале "Знание – си-

ла". Кроме необходимых формул и объяснений я пересказала эту статью, и Николай Фролович был очень доволен. Дополнительно он спросил лишь несколько определений, а задач не давал.

Практические занятия по теоретической механике бесценно вел у нас тогда еще совсем молодой преподаватель, кажется даже аспирант Анатолий Прокопьевич Иванов, известный теперь своими многочисленными книгами с тестами для школьников. По нему уже тогда уже было видно, что преподавание – это для него. Он хорошо объяснял материал, объективно оценивал знания. Был терпелив, доброжелателен, требователен. Уже тогда были заметны его черты, которые впоследствии помогли ему достичь многого: трудолюбие, практичность. На одном из занятий он вызвал к доске нашу однокурсницу Машу решать сложную задачу с несколькими степенями свободы. Маша с этой задачей легко и быстро справилась, что поразило Анатолия Прокопьевича. Потом он неоднократно рассказывал, какая Маша талантливая студентка, могла бы даже учиться в группе механиков. Не умаляя достоинств Маши, хочу добавить, что у нас полгруппы тоже решило бы эту задачу у доски.

А.П.Иванова мы знали еще до того, как он стал вести у нас занятия. В начале второго курса нас посылали "на картошку" и он был у нас руководителем. Жили мы в деревне Богомягково Осинского района, разместили нас по избам к бабушкам по 2–4 человека. Бригадиром от студентов был назначен Володя Суслонов из группы механиков, уже тогда отличавшийся деловитостью, целеустремленностью. Мы тогда были уверены, что он далеко пойдет. Анатолий Прокопьевич прекрасно организовал наше питание: нам выдавали много мяса, муки, меда. Этого не было у студентов в соседних деревнях. В одно из воскресений Володя Суслонов отмечал свой день рождения, решили стряпать пельмени. Как на грех, это был единственный день, когда у всех кончилось мясо. Колхозный бригадир сказал, что один теленок сломал ногу, но его некому прирезать – в выходной день все мужики были пьяные. Сам бригадир не пил, но и телят не резал. В общем, вместо пельменей напекли блинов, было весело. В другие погожие дни по вечерам после работы все собирались на поляне у костра, беседовали, шутили, пели песни. Запомнился веселый жизнерадостный Леня Лурье, знавший много забавных историй и шуток. Несколько слов напишу еще о Лене.

Чуть позже мы узнали, что он отличается большим ораторским мастерством: Леня Лурье выступал с докладами перед всем потоком. Мало того, что он говорил по делу и умно, но как он это делал! Речь красивая, плавная, вдохновенная – не всякий артист так сможет. Но вернемся в колхоз, вспоминается хорошее, хотя работа была тяжелая, грязная, одежду постоянно приходилось сушить и все время хотелось домой. Когда бригадир узнал, что ребята учатся на механиков, он обрадовался: "Может, вы мне трактор почините?" Он был разочарован тем, что они не умеют, не обычные они механики, а теоретические. В этом колхозе Володя Суслонов начал оказывать знаки внимания нашей подруге Маше, своей будущей жене. Стройная ясноглазая Маша нравилась многим, но предпочла Володю.

Пройдя педагогическую и производственную практику, успешно сдав госэкзамен и защитив дипломы, мы получили свои "корочки". На нашем потоке было 18 дипломов с отличием. Конечно, не все 125 человек дошли до финиша. Так получилось, что после экзамена по физике у нас из группы отчислили почти всех юношей, оставив их на второй год. Не пощадили даже нашего старосту Николая, ему было материально трудно жить, он с первого курса подрабатывал, не лодырничал. Закончили мы университет с двумя юношами в группе. Распределили нас в НИИУМС, Ангарск, Пензу, Ижевск. Впоследствии немногие остались по месту распределения, все старались перебраться в родные места. Наши выпускники работали в вычислительных центрах и лабораториях, НИИ, вузах и техникумах. Кроме Владимира Суслонова и Леонида Лурье отмечу Светлану Кудрявцеву, заведующую отделом Института кибернетики (Киев), автора нескольких монографий; Александра Калмыкова, доцента мехмата, и Александра Севрука, бывшего декана мехмата, которые совместно занимались развитием тестового контроля.

Я написала далеко не обо всех наших преподавателях. В дальнейшем я общалась со многими из них в формальной и неформальной обстановке и могла бы написать гораздо больше. Однако я сознательно ограничиваюсь студенческими воспоминаниями. Я подумала, что студенту вообще-то все равно, читает ему лекцию профессор или аспирант, главное, чтобы объяснял понятно, доброжелательно относился к чужому незнанию, выраженному

иногда в глупых вопросах, да справедливо принимал экзамен. А для студента мехмата есть одно необходимое (но не достаточное) условие: он должен любить математику так, чтобы ему нравилось ей заниматься.

Радостно, что в 2008 г. успешно работают на мехмате Я.Д.Половицкий, Р.А.Рекка, Ю.Н.Еленский. Приятно видеть, когда наших преподавателей награждают, приглашают в президиум. Уже не работают в университете, но полны энергии Г.С.Шевцов, Л.Л.Савченко, П.Н.Сапожников, И.Н.Пепеляева, А.П.Иванов, Т.Б.Пермякова.

Отдадим дань памяти П.И.Трофимову, И.В.Мисюркееву, Б.Н.Бабкину, Н.В.Ворониной, И.В.Цыганкову, Н.Ф.Лебедеву, Г.А.Жданову, Р.Б.Зархиной, Ю.В.Девингталю, Ю.Ф.Фоминых, С.Я.Гусману, Е.А.Шамордину, Л.Ф.Косвинцеву, С.Я.Мельнику, И.Г.Севруку, В.Г.Кузнецову, В.В.Думкину и нашему однокурснику В.М.Суслонову.

Благодарю выпускников мехмата, беседы с которыми освежали воспоминания: Аллу Михайлову, Елену Гусаренко (Тетерину), Татьяну Ложкину (Гонину), Елену Замятину.

The view of the exstudents to mechmath of sixties

E. E. Gonina

Perm State Technical University, 614000, Perm, Komsomolskiy st., 29 A

The view of the students to their study, professors, calculators in the second part of the 20th century.